

Title	"Россия" и "русское" в романе И. Бунина "Жизнь Арсеньева"
Author(s)	МОТИДЗУКИ, Цунэко
Citation	辺境と異境：非中心におけるロシア文化の比較研究（基盤研究（B）研究成果報告書），（4），16-24
Issue Date	2012-12-15
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/51996
Type	journal article
File Information	2012-2.pdf

«Россия» и «русское» в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Цунэко МОТИДЗУКИ

1. Введение

«Жизнь Арсеньева», единственный роман И. Бунина, справедливо считается его лучшим произведением. Озаглавив роман в последнем прижизненном издании «Жизнь Арсеньева. Юность»¹, писатель подчеркнул, что в нем описывается не вся жизнь Арсеньева, а лишь ранний ее период, от рождения до 24 – 25 лет. Благодаря общей структуре романа, в котором пожилой писатель, живущий на чужбине, во Франции, предаётся воспоминаниям и от первого лица рассказывает о своем далеком детстве, отрочестве и юности, проведенных на родине, в России, писатель исследует феномен человеческой памяти и наводит нас на размышления о том, какую роль он играет в литературе.

В мировой литературе XX века память была одним из самых важных понятий, а сознательное и бессознательное в процессе воспроизведения прошлого – одной из ее центральных тем. После отъезда в эмиграцию Бунину потребовалось много времени для того, чтобы написать большое художественное произведение на основе автобиографических фактов: оно создавалось с перерывами с 1927 по 1938 год, при том, что его замысел появился еще в начале 20-х гг. Этот факт отсылает нас к Марселю Прусту, долгие годы создававшему свой роман «В поисках утраченного времени», – важнейшее произведение XX века, связанное с темой памяти. Мы с полным основанием можем утверждать, что в аспекте исследования памяти «Жизнь Арсеньева» играет такую же роль в истории русской литературы.

В данной статье мы проследили частоту употребления названия «Россия» и прилагательного «русский» в тексте романа «Жизнь Арсеньева», – надеемся, что это поможет глубже проанализировать роль памяти в творчестве Бунина, а также понять, что означали «Россия» и «русское» для этого выдающегося представителя литературы русского зарубежья.

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность, Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1952.

2. О частоте употребления слов «Россия» и «русский» в романе

Составитель «Словаря эпитетов Ивана Бунина», В.В. Краснянский пишет в предисловии к словарю: «Эпитет Бунина – самое приметное явление в его художественной речи. В какой-то мере это стало общим местом во всех суждениях о языке Бунина»². В самом деле, читая Бунина, нельзя не заметить обилия прилагательных в тексте. Например, в «Жизни Арсеньева» герой-повествователь пишет о своем первом воспоминании:

Я помню большую, освещённую предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг... Только и всего, только одно мгновение! (5, 8)³

Здесь сразу бросается в глаза обилие эпитетов. Отметим, что первое воспоминание героя – не фактическое событие, а всплывающая в памяти картина, в которой существуют только освещенная комната и блеск (свет) , видимый в окно.

Бунин всю жизнь был очень чувствителен к явлениям, связанным со светом. Свет и тень, яркость и темнота, и цвет – всегда в центре его острого внимания и утонченного восприятия. Так, в частотном словнике имен прилагательных, встречающихся в произведениях Бунина, «черный» и «белый» занимают первое и второе места, и кроме них в списке мы еще находим «темный», «красный», «серый», «золотой», «зеленый», «светлый»⁴.

Кроме того, острота и утонченность восприятия писателя относится не только к зрению, но и к другим чувствам – слуху, обонянию, осязанию. Бунин гордится своей утонченной чувствительностью ко всему вокруг и стремится как можно точнее и острее передать в слове свое восприятие окружающего мира, что естественным образом наполняет его тексты эпитетами.

К слову же «русский» требуется несколько иной подход, нежели к качественным прилагательным, прямо связанным с описанием чувств (*черный, белый, серый, светлый...*). Понятно, что простым

² Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: Ок. 100000 словоупотреблений, М., 2008, С.3.

³ Бунин И.И. Собрание сочинений в 6 т., М., 1988. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина, С.727.

количественным подсчетом анализ особенностей бунинского стиля не исчерпывается, однако мы начнем именно с него, используя частотность употребления как показательный признак.

Согласно «Словарю эпитетов Ивана Бунина» слово *русский* употребляется во всех произведениях Бунина 182 раза, из них 178 – в прозе, в том числе 62 из них – в «Жизни Арсеньева». Таким образом, больше трети, 35% случаев употребления в прозе, приходится на один роман. Кроме того, слово «Россия» употребляется 25 раз, из чего возникает впечатление, что в тексте мы довольно часто сталкиваемся со словами *Россия* и *русский*.

Эмиграция, в которой оказались многие русские писатели, несомненно, послужила толчком к глубоким размышлениям о России и обо всем русском, и вполне естественно, что русская зарубежная литература в большинстве своем посвящена теме России. Федор Степун пишет: «Зарубежная литература очень богата произведениями, посвященными отошедшей России. И это вполне понятно: тоска о прошлом – нерв нашей эмигрантской жизни». ⁵

Однако Бунин в произведениях, созданных в эмиграции, вкладывал в слова *Россия* и *русский* несколько другой смысл. Во второй половине 1920-х годов, преодолев психологический и творческий кризис, вызванный ударами революции, гражданской войны, эмиграции и т. д., он опубликовал подряд произведения, ознаменовавшие новый этап его творчества.

В повести «Митина любовь» (1925) ни *Россия*, ни *русский* не встречаются. В рассказах «Ида» (1926) и «Солнечный удар» (1926) *России* не находим, а *русский* встречается по одному разу ⁶. Хотя описываемые события, несомненно, происходят в России, автор никак не обозначает место действия

«Жизнь Арсеньева» отличается от этих рассказов постоянными упоминаниями о *России* и о *русском*, на основании чего можно утверждать, что *Россия* и *русское* служат центральной темой этого романа.

⁵ Степун Ф. Встречи, М., 1998, С. 99.

⁶ «... на площади перед гостиницей, с запахом сена, дегтя и опять всего того сложного и пахучего, чем пахнет *русский* уездный город...» («Солнечный удар», 5, 383).

«Ида пробормотала одну из самых знаменитых *русских* фамилий...» («Ида», 5, 393).

3. Прилагательное *русский* в тексте романа

Посмотрим, с какими существительными сочетается в тексте романа прилагательное *русский*. Наиболее обращают на себя внимание случаи, когда *русский* относится к существительным, определяющим принадлежность к сословию или какому-либо разряду в дореволюционной России.

Например;

Да не очень святы были и другие сограждане Ростовцева, – всем известно, что такое был и есть *русский* чиновник, *русский* начальник, *русский* обыватель, *русский* мужик, *русский* рабочий. (5, 55-56) (здесь и далее – курсив автора статьи)

Здесь повествователь, вспоминая Ростовцева, у которого он жил нахлебником в гимназическое время, сравнивает этого мещанина сначала с другими «торговыми людьми», потом с другими представителями русского общества. Однако в его оценке звучит голос не мальчика-гимназиста тех далеких времен, а взрослого автора воспоминаний. В «Жизни Арсеньева» время течет не прямолинейно. По словам Юрия Мальцева, для романа характерна «постоянно присутствующая двухсторонность – то есть время, о котором повествуется, и время, когда повествуется (и частая переброска из одного времени в другое, нарушение временной последовательности)»⁷. Двухсторонность времени обязательно существует в произведениях, в которых повествование ведется от первого лица, но в «Жизни Арсеньева» это особенно заметно, и всегда сильно чувствуется взгляд повествователя, направленный на прошлое. Обычное, прямолинейное течение времени постоянно прерывается повествователем и вставными размышлениями уже зрелого героя. По нашему мнению, с этой особенностью можно связать и частоту употребления прилагательного *русский*.

К примеру, герой вспоминает своего воспитателя и учителя:

... (этот человек) оказался, словом, принадлежащим к тому ужасному разряду *русских* людей, который я, разумеется,

⁷ Мальцев Ю. Иван Бунин 1870-1953, Frankfurt/Main-Mosckau, С.303.

понял как следует только впоследствии, в годы зрелости.(5, 27)

В этом эпизоде становится понятно, что суть «ужасного разряда русских людей» герой осознал только впоследствии в годы зрелости. Но и в других случаях слово *русский* появляется в тех эпизодах, в которых излагается ход мыслей взрослого повествователя, в частности, в обобщениях относительно происшедших событий, явлений прежней жизни, характеров людей и т.д. Автор размышляет над такими особенностями *русского*, как

русская страсть ко всяческому самоистреблению (5, 36)

чисто *русский* страх (5, 50)

русская потребность праздника (5, 72)

Однако разве не исконная мечта о молочных берегах, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности? (5, 72)

В кабаке за одним столиком кричал, роняя голову, притворяясь пьяным, играя излюбленное *русское* – умиление над своей погибелью – какой-то гадкий малый... (5, 211)

Таким образом, в романе повторяются обобщения всего того, что свойственно *русскому*, и это придает этому прилагательному многозначность и в то же время некоторую символичность. Следующие примеры становятся возможными благодаря лирической многозначности слова *русский*.

Мелькают в тучках, в низком *русском* небе, редкие звезды...
Опять перепела, весна, земля – и моя прежняя, глухая, бедная молодость! (5, 169)

Пахнет уже крутой *русской* зимой, хотя снегу и тут еще нет.
Какая могила ждет меня там, в Батуристине! (5, 245)

Прилагательное *русский* с его лирической многозначностью и символикой часто приводит героя в восхищение.

4. Топос романа: усадьба, город, Россия

В начале романа герой говорит: «Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе». Это первое из 25 и

единственное в первой части (книге) романа (Бунин называет части романа *книгами*) упоминание о России, причем в сочетании с определением *средний*.

Герой-повествователь, стремясь найти начало своей жизни, возвращается к «истоку дней» жизни⁸. Его память после рождения начинается с отцовской усадьбы Каменки. В «Первой книге» романа описывается детство, проведенное в Каменке, и в душе или в уме малолетнего ребенка еще не существует понятия *России*.

В конце первой книги мальчик, уже сдавший вступительный экзамен в гимназию, проводит последнее детское лето в Каменке и думает:

... Я ведь в конце концов совсем забыл о нем (*о жеребенке, когда-то подаренном герою, Мотидзуки*), – вот как забуду я, верно, и Баскакова, и Олю, и даже, может быть, отца, которого я сейчас так люблю, с которым такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю *Каменку*, где мне знаком и дорог каждый уголок... (5, 48)

... И я закрывал глаза и смутно чувствовал: всё сон, непонятный сон! И *город*, который где-то там, за далекими полями, и в котором мне быть не миновать, и моё будущее в нём, и моё прошлое в *Каменке*, и этот светлый предосенний день, уже склоняющийся к вечеру, и я сам, мои мысли, мечты, чувства – всё сон! (5, 48)

Здесь усадьба (хутор) Каменка мифологизируется как особое место, тесно связанное с детством героя. То же можно сказать и о второй, унаследованной после смерти бабушки, усадьбе Батурино, куда переехала семья Арсеньева. О Батуристине герой говорит:

Прекрасна – и особенно в эту зиму – была *Батуристинская* усадьба. (5,86)

Мои последние *батуристинские* дни были вместе с теми последними днями всей прежней жизни нашей семьи. (5, 126)

Из этих примеров ясно, что Батурино также стало особенным местом, символизирующим отрочество героя и счастливое время

⁸ Бунин называл свой роман «Истоки дней». Он отметил в дневнике 7 мая 1940 года: «Жизнь Арсеньева» («Истоки дней») вся написана в Грассе.» (5, 595)

семейной жизни.

В отличие от Каменки и Батурина автор нигде не упоминает названия города, где герой провел четыре года, учась в гимназии. Известно, что Бунин учился в елецкой гимназии, и *город* в романе можно безошибочно идентифицировать с Ельцом. Впервые он упоминается в следующем предложении «Отец с матерью отправились в ту заповедную страну, которая называлась *городом*, и взяли меня с собой.» (5, 10), – и так и остается безымянным *городом*.

Город – лишь безликое место, в котором оказался герой, когда окончилось его детство, проведенное в глуши в отцовской усадьбе. Это не реальный Елец, а существовавший некогда безымянный уездный город с красивыми улицами, парком, площадью, церковью, дворянской гостиницей, мужской и женской гимназиями, цирком, острогом и т. д.

Что касается имени прилагательного *уездный*, то, кроме названия «уездный город», мы встречаем в романе сочетания «уездная барышня», «уездные моншеры», «русская уездная жизнь», «осенний уездный мир», «старинная уездная Русь со всей её грубостью, сложностью, силой, домовитостью» и «уездная ночная глушь». Точно так же, как прилагательное *русский*, *уездный* становится многозначным и символичным, и отсутствие названия у уездного города оказывается вполне естественным. В «Пятой книге» романа город Полтава, где жил герой с любимой девушкой Ликой, также не называется, а остается лишь «малорусским городом».

Вообще Бунин очень внимательно относится к именам собственным – именам людей и топонимам⁹. В «Жизни Арсеньева» две усадьбы и окружающие деревни имеют выдуманные названия, а два города, в которых герой проводит несколько лет и которые идентифицируются с Ельцом и Полтавой, не имеют ни настоящих, ни

⁹ Использование имен героев у Бунина отличается от литературной традиции XIX века, когда действующие лица, особенно главные герои всегда имели имя, отчество и фамилию. Бунин меняет этот подход к именованию героев, особенно в эмигрантский период: в «Митиной любви» герой и героиня – просто Митя и Катя, в рассказе «Солнечный удар» мужчина и женщина не имеют ни имени, ни фамилии, в «Чистом понедельник» – та же ситуация: в этом рассказе в названиях московских улиц, площадей, театров, ресторанов соблюдается топографическая точность. Такой строгий, избирательный подход говорит о том, насколько большое внимание придавал Бунин именам собственным. Отсутствие имен собственных придает и действующим лицам и местам символичность.

выдуманных названий, хотя остальные топонимы, упоминаемые в романе, реальны: Орел, Харьков, Смоленск, Витебск, Петербург и Москва и т. д.

В Первой книге описывается Каменка, а во Второй – только (уездный) *город*. Здесь же часто встречается *Россия*:

Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в *России*, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту *Россию*, почувствовал её прошлое и настоящее, её дикие, страшные и всё же чем-то пленяющие особенности и своё кровное родство с ней... (5, 49)

Герой говорит, что он впервые почувствовал *Россию*, когда уехал из Каменки в *город* – это достойно внимания. *Город* означает начало огромного мира, который ждет мальчика, только что покинувшего родные места своего детства. Поэтому *город* непосредственно связан с *Россией*. Чувство, возникшее у мальчика во время путешествия по большой дороге в *город*, в тот момент не имело названия, а вот спустя много времени в своих воспоминаниях герой связывал его с *Россией*. Такое использование автором данного топонима приобретает особый смысл благодаря системе двойственного времени, формирующей структуру романа.

Прожившему в городе нахлебником у мещанина Ростовцева 4 года герою приходилось узнать *Россию*. «Мелкая и бедная» городская среда, в которой оказался барчук из дворянской, хотя и обедневшей, семьи, вызывает удивление и навеивает тоску. Однако позже, в эмиграции, он не только с ностальгией, но даже с восхищением вспоминает жизнь, которую узнал в *городе*. Вспоминая убеждение Ростовцева, что «*Россия* богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире», герой думает: «А что до гордости *Россией* и всем *русским*, то её было, ещё раз говорю, даже в излишестве», «Куда она девалась позже, когда *Россия* гибла?».

Таким образом, слово *Россия* в романе Бунина приобретает многозначность и символичность, точно так же, как прилагательное *русский*. Особенно сложный образ России находим в следующем восклицательном предложении: «По случаю заносов, целых два часа я сидел, ждал на вокзале, наконец дождался... Ах, эти заносы, *Россия*, ночь, метель и железная дорога!» (5, 85)

...Как видим, смысловая интенсивность слова у Бунина постоянно нарастает. Его проза бесконечно близко подходит к лирическим стихотворениям.

5. Вместо заключения

В романе «Жизнь Арсеньева» прошлое время беспрерывно переплетается с настоящим (для повествователя) временем, из-за чего значение фабулы ослабляется. Б.В. Аверин заметил, что «чаще всего автор заранее сообщает, чем кончится то или иное событие, о котором идет речь в романе»¹⁰. В самом деле, он то и дело предупреждает нас о том, что произойдет впоследствии: «В тот день, когда я покинул Каменку, не зная, что я покинул её навеки»(5, 48), «Я перенёс первую тяжелую болезнь. Пережил новую смерть – смерть Нади, потом смерть бабушки...»(5, 26). Такое «упреждение событий» отвлекает читателя от фабулы, а автору позволяет свободно передвигаться во времени.

В этой сложной временной композиции авторские размышления, заменяя фабулу, приобретают необычайную силу. *Россия* и *русское*, о котором автор бесконечно размышлял в изгнании, занимают очень важное место и в мыслях повествователя в романе. Многозначность и символичность этих двух понятий становятся элементами, определяющими особенности романа.

¹⁰ Аверин Б.В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминаний, Иван Бунин: pro et contra, СПб., 2001, С.655.